

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ НАРРАТИВОВ SOCIOCULTURAL MOTIVATION IN NARRATIVES

Бергельсон М.Б. (mbergelson@mail.ru), Московский государственный университет

Многозначность, возникающая в нарративном дискурсе, и ее разрешение в процессе успешной коммуникации зависят от того, насколько адекватно рассказчик представляет себе границы дискурсивного сообщества и существующие в нем лингвокультурные модели и насколько адресат готов к возможным «деформациям» имеющихся у него лингвокультурных моделей.

1. Лингвокультурные модели как способы представления социокультурного знания

Язык, символическая система, где связь между формой и значением знака не прямая и не очевидная, по определению допускает неоднозначность. Следовательно, стопроцентное понимание (=правильная интерпретация дискурса) невозможно, а степень понимания зависит от многих факторов, которые ранее назывались экстралингвистическими, а в последние два десятилетия принято называть прагматическими и, в особенности, социокультурными. При разрешении дискурсивной неоднозначности приходится различать еще одно ее измерение: неоднозначность самих языковых выражений, неоднозначность, вложенная в сообщение говорящим, и неоднозначность с точки зрения адресата сообщения. Последний тип неоднозначности в особенности характерен для некоторых нарративных дискурсивных событий. В частности, успех или провал такого дискурсивного события, как личный или бытовой рассказ, зависят от степени совпадения лингвокультурных моделей (ЛКМ) адресата и рассказчика. Неоднозначность с точки зрения адресата сообщения это ошибочная интерпретация, возникающая либо из-за несовпадения ЛКМ, либо из-за отказа адресата принять некоторую информацию в качестве ЛКМ.

ЛКМ это квант социокультурного знания со своей предметной областью. ЛКМ занимают промежуточное положение на шкале универсальности знаний между максимально индивидуализированными знаниями, составляющими уникальный личный опыт субъекта и максимально общими, универсальными знаниями, которыми обладает Homo sapiens (последние обычно не оспариваются и их не интересно обсуждать). ЛКМ достаточно гибки в том смысле, что будучи общими для некоторого множества людей, они могут пополняться, уточняться новой информацией. Многие из них, пожалуй, за исключением наиболее общего для данной лингвокультуры конгломерата представлений, называемых «языковой картины мира», нуждаются в коммуникативном подкреплении. Известные примеры ЛКМ, описанных в литературе составляют модель ДРУЖБЫ в русском, английском и польском лингвокультурах (Вежицкая 1999 306-433), модель ПОХОД В РЕСТОРАН в американской культуре (Шенк 1980), сопоставление моделей ЧЕСТНОСТЬ и ПОРЯДОЧНОСТЬ в русском и английском языках (Cienki 1998; Cienki 1998a; Cienki 1998b).

ЛКМ это не просто попытка расширить имеющиеся и весьма различные способы представления знаний для целей дискурсивного анализа. Принципиальным для ЛКМ является различение внутри нее сценариев поведения (Поход в театр) и сценариев дискурсивного поведения (Разговор о театре). То какие именно элементы поведенческого сценария профилируются (=получают прагматически значимое выделение) в дискурсивном сценарии составляет социокультурную специфику данного дискурсивного сообщества. Для сценариев дискурсивного поведения необычайно важны прецедентные тексты данной культуры и, точнее, данного дискурсивного сообщества. Так, в Разговоре о театре, который происходит между москвичами старше 40 лет, ЛКМ включает не только вешалку, с которой начинается театр, но и эпоху «Современника» и монолог Дорониной. Последние два факта не принадлежат ЛКМ более молодого поколения.

В данном проекте изучения личных рассказов об опасности как прототипического нарративного жанра исследовательская цель заключается в изучении того, как ЛКМ мотивируют способы представления информации говорящим и ее интерпретацию адресатом (Бергельсон 2004). Исходная гипотеза заключается в том, что в нарративных дискурсивных событиях взаимное «отлаживание» ЛКМ позволяет коммуникантам разрешать дискурсивную многозначность. *Языковое проявление* этого можно увидеть в решениях, принимаемых говорящим относительно того, какую информацию он подает эксплицитно, а какая по его мнению должна черпаться из ЛКМ.

2. Нарратив как дискурсивный жанр

Термин «нарратив» принадлежит одновременно многим научным парадигмам (Prince 2003). Он и его аналог «повествование» давно используются в лингвистике текста – см. вступительную статью Т.М. Николаевой в (Николаева 1978), (Banfield 1973), (Benveniste 1958/1974), в собственно дискурсивном анализе – (Chatman 1978), (Labov and Waletzky 1967), в литературоведческих – (Барт 1978/1970), (Herman 1999) и лингвистических исследованиях – (Benveniste 1959/1974), (Givon 1997), (Hendricks 1974), (Николаева 2000), (Падучева 1996). Помимо этого за употреблением данного термина стоят разные объемы понятия.

Во-первых – логически и хронологически – нарратив обозначает соответствующий дискурсивный жанр. Понятие жанра является центральным для дискурсивных исследований как общетипологической, так и частной и прикладной направленности. Начиная с основополагающей работы Бахтина (Бахтин 1953) и в особенности в результате подробного представления в книге Суэйлса (Swales 1990), жанры являются основной единицей классификации и типологизации видов дискурса. Однако жанры естественно не являются элементарными единицами. Общепринятая трактовка жанра предполагает, что они состоят из характеризующих их функциональных компонентов – moves (Swales 1990) (Bamberg 1987), (Biber 1989), ни лексические, ни морфосинтаксические параметры не позволяют очертить дискурсивные жанры и не являются в этом отношении различителями. Однако функционально ориентированная типология видов дискурса, которая при этом опирается на формальные средства, все же возможна. Речь идет не о жанрах, а о дискурсивных типах изложения, или типах пассажей (Андрей Кибрик 2003), или абзацев – paragraphs (Longacre 1983; Longacre 1992).

Функциональная основа существования различных типов изложения опирается на различия коммуникативных функций языка, но отражает более тонкие различия внутри коммуникативных функций. Типы изложения могут быть следующим образом соотнесены с коммуникативными функциями:

- Коммуникативная функция информирования адресата:
 - Дескриптивный (описательный) тип изложения
 - Нарративный (повествовательный) тип изложения
 - Экспозиторный (объяснительный) тип изложения
- Коммуникативная функция воздействия на адресата:
 - Директивный (инструктирующий) тип изложения (hortatory) (Longacre 1992)
 - Аргументативный (убеждающий) тип изложения (persuasive) (Longacre 1992).

Типы изложения представляют собой формы дискурса, гораздо более однородные, чем жанры. Каждый тип изложения имеет характерные, точнее – прототипические, формальные (лексические и морфосинтаксические) признаки. Для нарратива это прошедшее время перфективных глаголов, для директива – формы императива, для аргументатива – модальные предикаты, для дескриптива – стивные предикаты, для экспозиторного изложения – наличие слов с обобщающим значением, не конкретно-референтный статус описываемых объектов. В свою очередь, жанры могут быть описаны как реализации схем, в которых типы изложения сочетаются конкретным способом, характерным для данной лингвокультуры – ср. (Андрей Кибрик 2003, 23).

2.1. В рамках информирующей коммуникативной функции нарратив противопоставлен другим типам изложения по тому, к какой информации апеллирует данный тип и какие когнитивные операции с этой информацией производят участники дискурса.

Так, дескриптивный тип изложения направлен на активирование в текущем сознании адресата определенной «картинки» на основе информации, хранящейся в семантической памяти и с привлечением памяти эпизодической, основанной на личном опыте. Понимание следующего дискурса, представляющего собой именно дескриптивный пассаж опирается на оба типа памяти. К обобщенному, культурному знанию о том, что представляет собой отдых на берегу реки, что такое отдыхать «дикарем», какие бывают турбазы, как выглядит сосновый лес и многое-многое другое, добавляются еще и индивидуальные опыт и воспоминания данного адресата, вместе формирующие уникальную, хотя и во многом существенном похожую, картину:

- (1) И вот на протяжении многих лет, наверное, десяти лет, мы ездили на Волгу ... в район её истоков. Там находится много озёр... и на одном из этих озёр мы очень любили отдыхать ... озеро Волго. Туда ездят и дикарями, и на туристические базы... Ну, на одной из такой баз мы и всё время жили, это турбаза Чайка на озере Волго... Там очень красивый лес сосновый, ... чистый воздух, шишки под ногами ... и конечно же, озеро, чистое озеро, где можно купаться и плавать на лодке ... и ...и... ловить рыбу . Мы очень любили плавать на лодке, мы плавали вдоль берега в одну сторону, в другую, находили разный красивые места, жгли костёр. ...

В отличие от дескриптивного дискурса, экспозиторный дискурс оперирует энциклопедической информацией, хранящейся в семантической памяти:

- (2) Давно известно, что ягоды черники значительно улучшают зрение в сумерках, усиливают остроту зрения, обеспечивают увеличение поля зрения и уменьшают усталость глаз. Доказано, что черника ускоряет обновление сетчатой оболочки глаз. Во время Второй мировой войны английские летчики ели чернику и черничное варенье с целью улучшения зрения ночью и в сумерках. Черника входит в меню космонавтов.

И наконец, нарративный дискурс, или – нарратив во втором смысле слова, оперирует информацией, относящейся к эпизодической памяти. В одной из самых известных книг по исследованию нарративного дискурса, которая до сих пор является методологической основой многих исследований, Уильям Лабов дал такое определение нарративу: “We define narrative as one method of recapitulating past experience by matching a verbal sequence of clauses to the sequence of events which (it is inferred) actually occurred”. (Labov 1972, 361).

Таким образом, существуют два понимания термина нарратив – как гипержанра, охватывающего многие разновидности, и как типа дискурсивного изложения.

В настоящей работе в центре внимания находится прототипический вид нарратива, а именно – личные и бытовые рассказы.

Многие исследователи употребляют термины *narrative* и *story* как синонимы (Chafe 1980), (Polkinghorne 1995). Однако существует и другая традиция (Polanyi 1989), поддерживаемая в данной работе, которая противопоставляет личные и бытовые рассказы таким видам нарратива как отчет, миф, хроника и т.п., выделяя в рассказе, в первую очередь, отражение точки зрения рассказчика. Рассказы в том или ином виде наполняют наш мир. Как отмечено в (Schank 1995, 29), за исключением прямых вопросов и простых ответов на них типа *В какой комнате живет Джонс? – Номер 1244* все остальное, что произносят люди, выражая свое мнение или опыт, это рассказы того или иного вида.

Цель анализа состоит в обнаружении мотивированности непосредственного содержания и формальной организации личных рассказов *лингвокультурными моделями*, характеризующими некоторое дискурсивное сообщество. На основании того, какая информация подается рассказчиком эксплицитно, с высоким оценочным компонентом, можно делать вывод о структуре ЛКМ, ее профилированных элементах, хотя они и не подвергаются прямому обсуждению в дискурсе.

3. Рассказы об опасных случаях

Личные рассказы как дискурсивный жанр отличаются особой структурой и режимом интеракции (Barthes 1966), (Norricks 2000), (Polanyi 1989). Они представляют собой такую разновидность нарративов, в которой конкретные события вводятся в дискурс с точки зрения рассказчика и его индивидуального знания, на фоне и в сопоставлении с социокультурным знанием. Это отличает их от таких нарративов, как, например, мифы или отчеты. Как следствие этого в них всегда выражена точка зрения рассказчика, его оценка той или иной ситуации. Нарратив это объективизированное описание рационального мира. Пропущенное через личное, эмоциональное восприятие человека это описание становится рассказом.

Рассказывание истории не является чисто монологическим событием (даже если нарративные виды изложения и не предполагают обмен репликами). Невозможно отделить рассказ как продукт некоего коммуникативного взаимодействия от самой ситуации рассказывания (в целом это верно и для других дискурсивных жанров). Поэтому и разрешение многозначности информации в ситуации рассказывания осуществляется рассказчиком и адресатом как равноправными участниками дискурсивного события.

3.1. Собственно говоря, смысл рассказывания заключается в том, чтобы внести в имеющуюся у аудитории лингвокультурную модель новую информацию, которая может быть воспринята только на основе сравнения с этой моделью, но при этом должна содержать в себе нечто такое, что эту модель развивает. Иначе рассказ не состоится как событие, и рассказчик потерпит коммуникативную неудачу. Это очень хорошо сформулировано в статье (Britton and Pellegrini 1990) “Some things that narratives tell us about the mind”, где авторы пишут о том, что наш когнитивный аппарат не просто отражает, но создает свои собственные модели мира. Мозг обладает специальными программами для этой моделирующей деятельности, и в то же самое время он прекрасно приспособлен для того, чтобы реагировать на сигналы, которые вступают в противоречие с его запрограммированными ожиданиями. Без этого наступает скука.

Личный рассказ насковзь проникнут культурой в том смысле, что когда мы повествуем о каких-то конкретных событиях, то мы обязательно выражаем свое отношение к миру рассказа, даем оценки действиям, поступкам, мыслям и мотивам действующих лиц. Оценки эти зиждятся на наших представлениях о том, что хорошо и что плохо, что правильно и неправильно для каждой конкретной ситуации – то есть на лингвокультурных моделях.

Успех или провал коммуникативного взаимодействия зависит от того, есть ли у коммуникантов «точки пересечения», владеют ли они некоторым общим и одновременно – релевантным для данной конкретной дискурсивной ситуации знанием. Узнать, а главное – проинтерпретировать, новую информацию можно только тогда, когда происходит ее сравнение с уже имеющимся у партнеров по коммуникации знанием, и на этом фоне это новое знание помещается в определенную категорию. В книге Ливии Поланий, посвященной – как она называет это – «грамматике и языку культуры», которая стоит за историями, рассказываемыми людьми, эта идея о том, в чем состоит смысл рассказа, выражена следующим образом: «The point of the narrative ... must be culturally salient material generally agreed upon by members of the producer's culture to be self-evidently and importantly true. ... Events must be newsworthy, but the point does not have to be, and generally is not.» (Polanyi 1989) , 207.

В ситуации личного рассказа поступление кванта новой информации означает, что рассказчик описывает свой индивидуальный опыт (конкретное имевшее место событие). Слушателем эта информация категоризируется, то есть сравнивается с некоторой ЛКМ. Без категоризации новой информации интерпретация в данной точке дискурсивного события невозможна. Пока не произошла интерпретация, имеет место дискурсивная неоднозначность. Разрешение возникающей неоднозначности предполагает как минимум два этапа, на каждом из которых возможна ошибка. Во-первых, адресат выбирает ЛКМ, относительно которой будет производиться категоризация. Во-вторых, новая информация должна быть соотнесена с конкретным слотом модели.

Главным в этом процессе сравнения является подтверждение (=соответствие) или не подтверждение (=противоречие) данной информации имеющейся в голове у интерпретатора ЛКМ. Кроме того, по не зависящим от процессов сравнения причинам новая информация может быть принята как верная или отвергнута. Например, рассказчик может заслуживать или не заслуживать доверия.

При этом цель рассказчика и связанные с ней коммуникативный успех или провал зависят не только от того, сколь полно или неполно ему удалось установить связь с определенной картинкой, соответствующей той или иной ЛКМ в голове слушающего – для этого существуют другие коммуникативные жанры (например – совместного воспоминания). Успех или провал зависят от того удалось ли ему сообщить некоторую информацию, которая на фоне существующей лингвокультурной модели может быть воспринята как нетривиальная, достойная рассказывания (английский язык использует здесь термин *narratable*).

Информация, подаваемая рассказчиком в личных рассказах как схемы нетривиального индивидуального опыта, по-разному соотносится с лингвокультурными моделями – носителями социокультурного и группового знания. Индивидуальная схема может подтверждать, поддерживать, противоречить, верифицировать, уточнять, обобщать ЛКМ, быть в оппозиции к ней, контрастировать, и т.д. При этом могут осуществляться разные когнитивные операции над слотами схемы, представляющей ЛКМ: добавление, изменение, детализация и т.д. Если рассказчику удалось подать сообщение об индивидуальном опыте как допустимую операцию над ЛКМ, то это обычно получает подтверждение у адресата, например, в виде таких высказываний:

- (3). а. Да .. нечего сказать ... вот уж случай так случай
- б. Ничего себе .. я и не знала что билеты так подорожали
- в. Значит ты < смех> в кофе соли переложила

Хотя вовсе не обязательно, чтобы реакция на рассказ была столь явно выраженной, она тем не менее обязательно присутствует, в вербальном или невербальном виде, и по сути является оценкой, выставленной рассказчику. В частности, оценка «выставляется» и за то, в какой степени был соблюден баланс между достаточностью предоставленной информации, необходимой для создания «картинки» и отождествления тех ЛКМ, с которыми соотносится повествование, с одной стороны и новой информацией, требующей своего соотнесения с этими ЛКМ. Ср. «правильную» реакцию на рассказывание анекдота в (Шмелева, Шмелев 2002). При этом, многозначность, внесенная рассказчиком и многозначность со стороны адресата, представляют собой взаимное навязывание «своих» ЛКМ друг другу, а разрешение этой многозначности осуществляется с помощью дискурсивных стратегий рассказчика и адресата, соответственно.

3.2. Итак, в рассказе выделяются определенные куски информации, которые, с одной стороны, получают специальное выражение с помощью языковых средств (=высокая плотность оценочного компонента, сигнализирующая о том, что рассказчик считает важным сообщить). С другой стороны, важность этой информации может быть оценена адресатом только на фоне конкретных, хотя и не обсуждаемых, ЛКМ. Так как в огромной степени истории рассказываются ради сообщения именно этой, новой по отношению к ЛКМ адресата, информации, то языковые средства, оформляющие эту значимость являются в высшей степени **социокультурно мотивированными**. Исследуя эти мотивированные, выделенные, дискурсивные элементы, можно, в частности, выявить стоящие за ними, лингвокультурные модели, характеризующие **данное дискурсивное сообщество** и описать их

содержание. Так, для рассказов молодых москвичей об опасности ЛКМ включает представления о нарушении нормального порядка вещей. Это выражается в обязательном присутствии в рассказе средств описания ситуации как *неожиданной, нереальной, иррациональной и неуправляемой*, а также специальных (пара)вербальных средств выражения *неловкости и смущения, бессилия и растерянности*, в том числе - *потери ориентации во времени, потребности в рационализации и общей повышенной эмоциональности*.

Список литературы

1. Барт, Р (1978/1970). Лингвистика текста. Новое в зарубежной лингвистике. Под ред. Т.М. Николаевой. Москва, Прогресс. Вып. VIII 442-449.
2. Бахтин М.М. (1953). Проблема речевых жанров. Опул. в Бахтин М., Эстетика словесного творчества (1979 год). Москва, Искусство. 237-280.
3. Бергельсон М.Б. (2004). Моделирование культурно обусловленной коммуникативной компетентности с помощью когнитивных категорий: анализ повседневных рассказов и представление знаний. Первая российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. Казань, КГУ. 2004
4. Вежицкая А. (1999). Семантические универсалии и описание языков. Москва, Языки русской культуры.
5. Зализняк Анна А. (2002). Многочисленность в языке и способы ее представления. автореф. дисс. ...д.филол. наук. Москва.
6. Кибрик Андрей А. (2003). Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Москва, РАН.
7. Николаева Т.М. (1978). Лингвистика текста: современное состояние и перспективы. Новое в зарубежной лингвистике. (Под ред. Т. М.Николаевой. Москва, Прогресс. Вып. VIII 5-39.
8. Николаева Т.М. (2000). От звука к тексту. Москва, Языки русской культуры.
9. Падучева Е.В. (1996). Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Москва, Языки русской культуры.
10. Шмелева Е., Шмелев А.Д. (2002). Русский анекдот. Текст и речевой жанр. Москва, Языки славянской культуры.
11. Bamberg M. G. W. (1987). The acquisition of narratives : learning to use language. Berlin ; New York, Mouton de Gruyter.
12. Banfield A. (1973). "Narrative style and the grammar of direct and indirect speech." Foundations of Language X: 1-39.
13. Barthes R. (1966). Introduction to the structural analysis of the narrative. Birmingham, Centre for Contemporary Culture Studies University of Birmingham.
14. Benveniste E. (1958/1974). De la subjectivite dans le language. Общая лингвистика. Пер. с франц. Москва, Прогресс: 292-300.
15. Benveniste E. (1959/1974). Les relations de temps dans le verb francais. Общая лингвистика. Пер с франц. Москва, Прогресс: с. 270-284.
16. Biber D. (1989). "A typology of English texts." Linguistics 27: 3-43.
17. Britton B. K., A. D. Pellegrini, Eds. (1990). Narrative thought and Narrative Language. Hillsdale, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.
18. Chafe W. L (1980). The Pear stories : cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood, N.J., Ablex Pub. Corp.
19. Chatman S. B. (1978). Story and discourse : narrative structure in fiction and film. Ithaca, N.Y., Cornell University Press.
20. Cienki A. (1998a). Slavic Roots for Straight and Bent: Experiential Gestalts, Conceptual Metaphors, and Cultural Models as Factors in Semantic Change. American Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists. A. Timberlake. Bloomington, IN, Slavica: 298-313.
21. Cienki A. (1998b). "STRAIGHT: An Image Schema and its Metaphorical Extensions." Cognitive Linguistics 9: 107-49.
22. Givon T., Ed. (1997). Conversation. Cognitive, Communicative and Social Perspectives. Typological Studies in Language. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Company.
23. Hendricks W. O. (1974). "The Relation between Linguistics and Literary Studies." Poetics 11.
24. Herman D. (1999). Narratologies : new perspectives on narrative analysis. Columbus, Ohio State University Press.
25. Labov W. (1972). Language in the inner city: studies in the Black English vernacular. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
26. Labov W. and J. Waletzky (1967). Narrative Analysis. Essays on the Verbal and Visual Arts. J.Helm. Seattle, University of Washington Press: 12-44.

27. Levinson S. C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge University Press.
28. Longacre, R. (1983). *The grammar of discourse*. New York, Plenum.
30. Longacre R. E. (1992). The Discourse Strategy of an Appeals Letter. *Discourse Description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising*. W. C. Mann and S. A. Thompson, John Benjamins Publishing Company: 109-130.
31. Norrick N. R. (2000). *Conversational narrative : storytelling in everyday talk*. Amsterdam ; Philadelphia, J. Benjamins.
32. Polanyi L. (1989). *Telling the American story : a structural and cultural analysis of conversational storytelling*. Cambridge, Mass., MIT Press.
33. Polkinghorne, D. (1995). Narrative configuration in qualitative analysis. *Life history and narrative*. J. A. Hatch and R. Wisniewski. London ; Washington, D.C., Falmer Press.
34. Prince G. (2003). *A Dictionary of Narratology*, University of Nebraska Press.
35. Schank R. C. (1995). *Tell me a Story: Narrative and Intelligence*. Evanston, IL, Northwestern University Press.
36. Swales J. (1990). *Genre analysis: English in academic and research settings*. . Cambridge, Cambridge University Press.